

Три Наполеона

Всякая идеология есть рационализация каких-то глубинных аффективных влечений. Романтизм рождается в тех слоях сознания (или подсознания), где стихийно совершается выбор героев и формируются основные психологические установки. Подлинный романтизм, как это неоднократно отмечалось, не есть только литературное течение, это также форма мироощущения, новый способ переживания жизни. Художник в каждую данную эпоху проявляет и артикулирует тождество окружающей нас природы с той природой, которую люди носят в себе. Поэтому каждый шедевр своего времени — это своеобразный резонанс внешнего с внутреннимⁱ.

Все романтические эстетика отмечают как важную составляющую (или заметную тенденцию) времени изображение реальных, но исключительных по своей судьбе и характеру персонажей, среди которых могут быть выдающиеся герои. С романтизмом связывают два понятия или явления: байронизм, т. е. изображение героев, ощущающих и выражающих трагическое несоответствие между огромностью замысла и масштабами зла; и бонапартизм, т. е. абсолютное сосредоточение на осмыслении одной личности, носителя субстанционального началаⁱⁱ. Личность Наполеона становится одновременно эталоном суждений о романтических поэтах и героях. В свою очередь поэты эпохи романтизма часто суммируют грустные мысли о человечестве и той власти, которую может обрести над ним один сильный и гениальный человек. В начале XIX столетия художники еще не делают акцента на унифицированной толпе, над которой вдруг возвышаются отдельные личности, как герои, так и антигерои. Различение толпы и героя, разрушение идеалов и создание идолов — это приоритет второй половины XX в. Французская революция, приведшая к Директории, периоду Консульства и Империи, стремилась показать, что героем, подобным Наполеону, может стать каждый. Наполеон — герой-символ, извлеченный «из крови и почвы», пришедший из страны чистых сущностей, «апофеоз западного человека»ⁱⁱⁱ, т. е. это герой сакральный, священный, по природе своего возникновения — языческий. Гениальность Наполеона заключалась в том, что он это остро ощущал, ощущал природу своего таланта, понимал свой дар и какое-то время умело им пользовался. Это располагало к нему тех, кто потерпел неудачу с пропагандой просветительства, но также и тех, кто вынужден был сделать уступки Просвещению.

Думается, что именно отсюда возникает та общая позитивная тональность, в которой о нем говорят почти все авторитетные и талантливые авторы. Даже М. Ю. Лермонтов, комически изображающий французов («Послушай, друг мусью») не забывает им же попенять:

Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!^{iv}

Однако художественных произведений, где Наполеон весь светится розовым пятном, вполне достаточно. Он весь «буря и натиск». Неукротимый, с развевающимися волосами, с умным и глубоким взглядом, он притягивает к себе простого солдата, вельможу и прекрасную даму. Простой солдат готов идти за императором на край света и умереть с его именем на устах. Вельможа радуется действительной политике и глубоким переменам после долгих лет застоя. Жозефина де Богарне восхищается отсутствием у него светскости, умным челом и мужеством главнокомандующего французской армией, обратившим на нее лстящее ей внимание. Как писал А. С. Пушкин:

Илорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугуновой
Под шляпой с пасмурным челом
С руками сжатыми крестом.

Такое убранство можно было найти не только в кабинете Евгения Онегина, но и многих других европейских денди. Возможно, для них он воплощал идею цельной гармоничной личности. Хотя это было утопией, иллюзорным воплощением высшего слияния человека и природы, неординарности и исключительности художественной натуры.

Иллюзии посещали также и другие головы, людей иного порядка — тех, кому выпало властвовать. Некоторое время в Европе поговаривали о браке Наполеона с русской

принцессой (известно, что Бонапарт неофициально обсуждал возможность сватовства к великой княжне Екатерине Павловне). Однако такой жених не мог понравиться ее матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне. Для своей дочери она предпочла принца Ольденбургского: он и родовой, и России ближе. Однако пришло время, когда в Австрии для Наполеона нашлась другая принцесса Мария-Луиза, внучка знаменитой Марии-Терезии, дочь Франца II, которая не посмотрела на то, что новый властитель Франции не был порфирородным. «Высшее общество ... составляет в Европе одно семейство». Так писала и говорила Жермена де Сталь. Ее слова повторил и Пушкин^v. Новый союз надолго определил политическую карту Европы.

Факт «отказа» Екатерины Павловны от брака с новым союзником России отозвался в русской литературе. Державин создал «Послание к Великой княгине Екатерине Павловне о покровительстве отечественной литературы». На ту же тему была написана его трагедия «Евпраксия». Личность Екатерины Павловны была подвергнута активной мифологизации. Во многих драматических произведениях 10-х годов XIX в. можно было встретить подобную коллизию, также как подчеркнутую мысль о том, что перед лицом столкновения с неизмеримо сильнее и сильнее неприятелем, предлагающим постыдный мир, отрицательные персонажи предлагают пойти на унижение, благородные предлагают принять бой: С. Н. Глинка, Л. Н. Невахович, А. А. Шаховской^{vi}.

Французская литература в тот период вступила в эпоху романтизма, накал которого постепенно возрастал. Однако и жанры прошлого, XVIII в., были еще в ходу. Это, в первую очередь, мемуары. Написать историю своей жизни, значит выиграть поединок с вечностью. Записки, биографические заметки или мемуары пишут все, кто берется за перо. Это и короли, и министры, и вельможи, и придворные дамы, и военачальники, и судейские, и прелаты, и профессиональные писатели. Часто они затрагивают события небольшой давности, которые, однако, отошли уже в прошлое. Мемуаристы рассказывают о любовных интригах, воинских подвигах, высоком благородстве или расчетливой подлости. В начале XIX столетия все мемуары приобретают романтическую окраску.

«Повивальная бабка французского романтизма» (Белинский) Жермена де Сталь (1766—1817) встречалась в Петербурге и Москве с некоторыми из перечисленных выше русских авторов. У нее сложилось свое представление о русской литературе, которая к тому моменту, с ее точки зрения, недостаточно оформилась. С ней вполне согласился А. С. Пушкин, писавший в незаконченной статье «О ничтожестве русской литературы» (1834), что французская литература уже с начала XVIII столетия обладала всею Европою, к которой присоединилась и Россия, с того момента как «при стуке топора и при громе пушек» Петр Великий ее «спустил со ступеней»^{vii}.

«Удостоенная Наполеоном гонения» (Пушкин), обреченная на жизнь в Швейцарии и блуждания по Европе де Сталь повсюду подвергала императора критике. Поклонница великой французской революции, хотя и конституционалистка, она называла Наполеона порождением великих лет, которые он постарался смазать и забыть. Если революция его «отец», то он — «отцеубийца». Учителями де Сталь были принятые в салоне матери писатели-просветители, авторы XVIII столетия, пафос и риторика которых она неплохо усвоила. Наполеон не терпел «идеологов» (негативное слово в его словаре), поэтому постарался от этой дамы избавиться, отправив ее в ссылку. Во многих своих работах Жермена де Сталь высказала все, что думала о «чудовище».

Другой французский романтик, автор «Атала» и «Рене» Франсуа де Рене Шатобриан (1766-1848) — дипломат в Риме до Наполеона, ожидавший от Бонапарта приличной дипломатической должности, думал об этом странном, но, безусловно, обаятельном человеке несколько по-иному. В опубликованных посмертно «Записках» он многое рассказал из того, что при его жизни еще невозможно было проговорить. Занятия этого писателя политикой и дипломатией, историей и эссеистикой позволяют с доверием отнестись к его оценкам, тем более что он стал теоретиком монархии, что особенно интересно прозвучало в его труде «О Наполеоне и Бурбонах» (1814).

И, наконец, всемирно прославленный автор психологических романов, еще романтик, но уже реалист Стендаль (1783—1842), у которого Л. Толстой заимствовал «краски» для своего романа «Война и мир», служивший офицером-интендантом в армии

Наполеона, написал, как известно, две книги о Бонапарте: «Жизнь Наполеона» и «Воспоминания о Наполеоне». Его суждения о французском полководце отличаются от суждений его знаменитых при жизни современников. Он идеализирует молодого республиканского генерала, но в то же время демонстрирует ошибки императора.

Отражение Наполеона и войны с Россией во французской художественной литературе помогают точнее представить, какими были в европейском и отчасти мировом общественном сознании цели, задачи и деяния Наполеона в России.

Пьер-Анри Бейль, известный небольшому числу своих современников под именем Стендаля, начал свои «Воспоминания о Наполеоне» в 1816 г. Работа продолжалась до 30-х годов. Слово «воспоминания» (memoire), появившееся для обозначения этого произведения в русском переводе, в данном случае, не совсем точное, поскольку, по сути, этот неоконченный труд писателя — авторизованная история Франции эпохи Наполеона, которая была одновременно временем жизни писателя. Стендаль не притязает на особенную литературность своих воспоминаний, но «все-таки пишет так, как хотел бы видеть историю Франции, написанную кем-то другим». Своей целью он видит знакомство читателя «с исключительным человеком, которого он при жизни любил и после смерти уважает значительно более тех, кто пришел ему на смену»^{viii}.

Имя Бонапарта Стендаль впервые услышал в 1796 г. в связи с сообщениями о поразительных победах итальянской армии. И поскольку значительная часть жизни Стендаля-дипломата, консула в Милане, оказалась связанной с Италией, итальянские кампании Бонапарта он знает не понаслышке. Они ему доподлинно известны. Подробности об этих кампаниях мы узнаем из «Воспоминаний» Стендаля в первую очередь. Однако с именем Наполеона у писателя связана не только Италия. По его признанию, он думает о тех своих соотечественниках, которых он приобрел к гражданственности, сделав народ «собственником» и установив для простолюдина тот же орден, что и для маршала. «Любовь к Наполеону, — пишет он, — единственная страсть, сохранившаяся во мне, но это отнюдь не мешает мне видеть недостатки его ума и жалкие слабости, которые можно поставить ему в упрек». После такого заявления все равно ожидаешь панегирика в честь популярной персоны, но Стендаль, хотя и воздаст должное романтизму, окрасившему его эпоху, тем не менее очень серьезно подходит к сущности данной исторической фигуры. Источники, которыми он пользуется для анализа деятельности выдающегося современника, — это многочисленные, опубликованные при его жизни исторические труды: «История Наполеона» Корвена (1827); «История Наполеона» Вальтера Скотта (1827^{ix}); «Политическая и военная жизнь Наполеона» Жомини (1827); «История французской революции» Тьера; «Воспоминания» Бурьена; «Мемориал с о-ва Св. Елены» Ласказа (1823), а также «Мемуары Наполеона», составленные генералами Гурго и Монтолоном (1822—1827 гг.).

Освещение исторических событий в «Воспоминаниях о Наполеоне» Стендаля весьма неравно. Две главы писатель посвящает детству, юности, семье Наполеона, его жизни на Корсике, затем 18 глав отводятся событиям 1795—1796 гг. а четыре заключительные главы рассказывают о конце героического периода жизни Наполеона, его отношениях с якобинцами и Фуше. Последняя глава книги повествует о графе Дарю, главном интенданте Наполеона, в ведении которого были продовольствие, финансы армии, управление разделенными на интендантства завоеванными странами. Граф Пьер Дарю был дальним родственником Стендаля, принявшим участие в его судьбе. Стендаль ушел служить под знамена и оказался (благодаря Пьеру Дарю) в интендантских войсках, что позволило ему вести относительно вольную жизнь, делать заметки, писать и читать.

Как самоучку, Стендаля привлекал круг чтения Наполеона и первые его попытки себя реализовать. Он отмечает, что Наполеон «плохо читал» любимую просветителями книгу Монтескье «О духе законов», невнимательно пробежал он Пьера Бейля и «Разум» Гельвеция, но зато он прочел множество других книг, например, многотомную римскую историю, из которой, видимо, понял, что полководцу необходимо заставлять свои войска действовать любым возможным способом: «1) из преданности родине; 2) из чувства чести; 3) из страха наказания; 4) из самолюбия или честолюбивых побуждений; 5) из корысти». Но самое главное, ему самому «пришлось найти мудрые мысли для управления войсками и Францией»^x. Еще будучи на Корсике Наполеон написал два тома гражданской и военной истории Корсики. Этот труд не был издан из-за недостатка средств у Бонапарта, но в 1793 г. он напишет брошюру «Ужин в Бокере», которая будет опубликована. По мнению

Стендаля, слог Наполеона несколько тяжеловат, часто встречаются итальянизмы и неправильные обороты речи, но нельзя было уже тогда не признать за автором своеобразие мысли. Наполеон размышляет о моральном состоянии армии, интересуется пленными и их здоровьем. Это станет известным как одна из его добродетелей. Одобрение народа получают и действия Бонапарта в борьбе с казнокрадами, занимавшими большую часть административных должностей.

Почти дословно Стендаль приводит рассказ некоего г-на Бюджи о том, как прославившийся впоследствии художник Гро писал портрет императора. Наполеон встретился с молодым французом-пейзажистом, когда тот делал зарисовки в окрестностях озера Гарда. Чем-то художник ему понравился, и он часто стал приглашать его к обеду, поскольку тот был человеком с достоинством и очень хорошим собеседником. Главнокомандующий хотел склонить Гро к занятиям батальной живописью, он даже готов был дать ему офицерское звание, вождевленное многими гражданскими лицами как синекура. Однако Гро категорически от этого отказался, подчеркнув, что военное дело — грубое ремесло: человек проявляет самую дурную свою сторону — «личный интерес, распаленный до неистовства, приводит к тому, что лейтенант без сожаления видит, как рядом с ним гибнет его личный друг, капитан»^{xi}. Портрет Гро «Наполеон на Аркольском мосту» ему очень удался, это и теперь признается. Гро — единственный, кто сумел в пору беззастенчивой лести императору передать синяки под глазами главнокомандующего.

В специальной главе о причинах, которые привели императора к гибели, Стендаль называет две, несколько неожиданные. Это, во-первых, предпочтение, которое император со времени коронации стал отдавать людям посредственным, и второе — это сочетание Бонапартом обязанностей императора с обязанностями главнокомандующего. «Критическим мгновением» в его судьбе Стендаль считает битву под Лейпцигом, когда тот потратил весь день накануне решающей битвы на изучение дел, касающихся Испании, и затем проиграл сражение. Что же касается людей посредственных, то первым в этом списке следует назвать Бертье — генерала-щеголя с изящными манерами, выдававшими его принадлежность Сен-Жерменскому предместью. Последний стал «автором многих бедствий французской армии, начиная с битвы при Эйлау»^{xii}. Это все, что в данном контексте хотелось бы сказать об этой книге.

Другая книга о Бонапарте «Жизнь Наполеона» была начата в конце 1817 г. Она значительно менее самостоятельна, чем «Воспоминания», но имеет завершение. В ней прослежен весь путь Наполеона. Стендаль цитирует или пересказывает то, что узнает от других авторов, некоторые мысли подчеркивает специально. Остановимся на некоторых из этих мыслей, кажущихся существенными.

Стендаль привлекает внимание своих читателей к жизни Сен - Жерменского предместья, рассказывая о свете, или обществе. «Удовольствие, — пишет он, — доставленное пребыванием в хорошем обществе ... в конце концов, заглушает во французах потребность в великих наслаждениях, связанных с самой сущностью человека, с пылкими страстями и высокими добродетелями». Мария-Антуанетта даже двор превратила в своего рода салон. Иначе говоря, в Версале в конце XVIII в. благосклонный прием оказывали не пэру или герцогу, а тому, кого соизволили найти приятным»^{xiii}. При дворе уже не искали ни денег, ни чинов. Отец Жермены де Сталь, главный финансист короля, провел такие реформы, которые ударили по карманам многих придворных. Это было как раз накануне великой французской революции. Переворот, безусловно, был нужен аристократам-заговорщикам, прежде всего из материальных соображений. Никто не хотел умирать за безвольного короля, никто не хотел вымирать при новой финансовой системе. Дальнейшая история известна... Но подчеркнем еще раз вместе со Стендалем: Бонапарт впервые познает чарующие наслаждения от общения с дамами и обществом в салоне Барраса, т. е. того самого человека, который и предложит его на должность главнокомандующего, а потом будет отвергнут и забыт. Когда Наполеон стал императором, он попытался реставрировать двор и его прежние достоинства, но выяснилось, что он вернул недостатки. Его поневоле и не в его пользу сравнивали с предыдущим монархом и с другими царствующими особами. Ничто, по мнению Стендаля, не возбуждало в императоре такой ненависти, как сам дух светского общества, которое он однажды приняв, затем стал поирать с другой стороны.

Отмечая необычайные черты Наполеона, аристократия ищет и тонко использует его слабости, все более усугубляя его раздражение. Из самых известных его слабых мест была Жозефина де Богарне, с которой его принудили расстаться ради суетной пышности и церемониалов двора внучки Марии-Терезии. Невзрачная наружность Бонапарта, маленький рост, бедность поначалу заставляли его робеть перед женщинами, и он им цинично отомстил. Однажды, встретившись на званом обеде с госпожой де Сталь, которую ему тогда так легко было привлечь на свою сторону, он грубо заявил, что ему нравятся только женщины, которые занимаются своими детьми. Это не мешало ему приглашать многих дам своего двора в личные покои, заставляя их раздеваться и через две-три минуты отправлять их обратно. Никого из них он не сделал своей любовницей. Женщинам, понятно, это не нравилось. Он часто заявлял, что вообще не любит праздных дам, которых вьется слишком много возле многих его подчиненных и послушных ему мужчин. Желая немного исправить общественную нравственность, он вообще категорически выступал против внебрачных связей, смеялся над роконосами и любовными интригами, иногда сам насильно женил своих приближенных офицеров. Однако эти «сочиненные» им браки, как признали потом, оказывались весьма удачными.

Русской кампании в книге «Жизнь Наполеона» посвящены полторы главы (56 и 57). С точки зрения Стендаля, европейским монархам была нужна успешная война с Россией, чтобы отнять у нее возможность «вторгнуться в среднюю Европу». «Разве не было естественным воспользоваться в этих целях моментом, когда Францией правил великий полководец, своим искусством возмещавший огромные невыгоды положения этой страны? Иными словами, война 1812 г. — естественное следствие Тильзитского мира. Россия, давшая слово не допускать английские товары, не смогла выполнить свое обязательство, и Наполеон вооружился, чтобы покарать ее за нарушение договора, которому она была обязана, как ему казалось, самим своим существованием. Еще в Тильзите Наполеон имел право сокрушить ее.

Французский писатель напоминает, что прекраснейшая из европейских столиц — Петербург — была еще недавно пустынным болотом среди земель Швеции и Польши. Со времен Петра Великого Россия, по его мнению, верила, что в 1819 г. (?) она будет владычицей Европы и единственной державой, способной противостоять ей, будет только Америка. Сама Россия была неприступна, силы ее возрастали. Для русских, с его точки зрения, была только одна преграда — знойный климат. Иными словами, Наполеон имел все основания вторгнуться в Россию, и 24 июня 1812 г. он во главе 400-тысячной армии (в других источниках 600 тыс.) перешел Неман у Ковно. Начало кампании было ознаменовано двумя политическими неудачами. «Турки, люди столь же глупые, как и порядочные, заключили с Россией мир, и Швеция, трезво оценив свое положение, тоже выступила против Франции»^{xiv}.

Не описывая никаких сражений, Стендаль рассказывает, что после битвы под Москвой Наполеон получил возможность восстановить Польшу, в чем, по мнению писателя, и состояла истинная цель войны. Наполеон достиг этого почти без борьбы. Из тщеславия и желания загладить свои испанские неудачи он решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император остался в Кремле не более трех недель, но «посредственность его политического дарования» проявилась и здесь: она была причиной того, что он потерял свою армию. Если бы Наполеон, полагает Стендаль, фланговым движением двинулся вправо и занял бы беззащитный Петербург, жители которого не имели ни малейшего желания жечь свой город, то заключение мира в такой ситуации было бы, с французской точки зрения, обеспечено.

Стендаль критикует французскую армию, которая утратила прежнюю энергию, свою сплоченность, прониклась эгоизмом и развратилась. Дух армии к моменту войны с Россией глубоко изменился, из суровой республиканской, героической она стала плохо дисциплинированной, трудно повинующейся. Это стало причиной того, что, по мнению Стендаля, самая храбрая армия мира сдавалась казакам и плохо вооруженным крестьянам. «Я сам видел, — пишет Стендаль, — как двадцать два казака, из которых самому старшему, служившему второй год, было лишь двадцать лет, расстроили и отправили в бегство конвойный отряд в пятьсот французов». (Это случилось позднее, в 1813 г. во время саксонской кампании^{xv}.)

Дисциплина французской армии расшаталась от грабежей, которые поневоле пришлось разрешить солдатам в Москве, раз их не снабжали продовольствием. «Ничто при характере французов не является столь опасным как отступление, а при

опасности более всего необходима дисциплина, иначе говоря, сила»^{xvi}.

Как офицер интендантской службы Стендаль пишет, что из-за недостаточной распорядительности интендантство умудрилось остаться без хлеба еще в Польше. Армии не объявили, куда ее ведут и что за 25 дней ей придется пройти 93 лье, каждый солдат получит две бараньих шкуры, подкову, два десятка гвоздей и четыре сухаря. Полковникам и генералам не было предоставлено право выносить смертные приговоры солдатам, уличенным в мародерстве и неповиновении. «На обратном пути из Москвы в Смоленск шло тридцать тысяч трусов, притворявшихся больными, а на самом деле превосходно себя чувствовавших в течение первых десяти дней. Все, что эти люди не съедали сами, они выбрасывали или сжигали. Солдат, верный своему знамени, оказывался в дураках. А так как французу это ненавистнее всего, то вскоре под ружьем остались одни солдаты героического склада или простофили»^{xvii}.

Известно также, что князь Невшательский приказом по армии (от 10 октября) разрешил всем солдатам, не чувствуя себя в состоянии делать в день по 10 лье, покинуть Москву, не дожидаясь выступления армии. Очевидец событий Стендаль пишет о том, что когда французы 19 октября начали уходить из Москвы, светило солнце и была прекраснейшая погода. В России Наполеон, как считает Стендаль, потерпел поражение прежде всего от своей гордыни, но также и от климатических условий, в конце концов сразивших французов, еще не достигших Березины. Поражение на востоке стоило ему утраты влияния в Европе. «Мелкие государи перестали трепетать, сильные монархи отбросили колебания, все они обратили взоры на Россию: она стала сосредоточием неодолимого сопротивления»^{xviii}.

Пропитанные атеизмом и язычеством, французы удивлялись кротости и любезности храбрых русских. «Не воззвания и награды воодушевляют солдат на бой, а приказания святого угодника Николая». Маршал Массена рассказывал в присутствии Стендаля, что русский, если с ним падает рядом смертельно раненый его земляк, должен передать привет его матери. «Россия подобно Риму имеет суеверных солдат, которыми командуют начальники, столь же просвещенные, как и мы»^{xix}.

Изложенные выше факты составили содержание всего нескольких страниц. Последующие (за российскими) события в жизни Наполеона были не менее яркими, насыщенными и драматичными. Стендаль мастерски об этом рассказал, дополняя собственное видение явными и скрытыми цитатами из книг старших современников.

Старшей современницей Стендаля была госпожа де Сталь, занимавшая своими суждениями большое место во внутренних размышлениях писателя. Пожалуй, никого он так часто и так близко к собственным рассуждениям не цитирует, когда речь идет о вопросах искусства и литературы. Правда, в вопросах философии, внутренней и внешней политики он ее оппонент. «Жизнь Наполеона» была написана в знак протеста против ее суждений о Бонапарте, прозвучавших в «Размышлениях о главнейших событиях Французской революции». Наполеон у де Сталь предстает как воплощение духа военицизма и постигшего общество рабства. Она противопоставляет Наполеона Бурбонам и позволяет себе говорить обо всех без пиетета. Это не нравится Стендалю, его собственные тексты о Наполеоне выглядят шире и аналитичнее. Называя Наполеона величайшим по даровитости человеком, жившим со времен Юлия Цезаря, он безжалостно анализирует его характер и содержание совершенных им «оплошностей», подчеркивая, что он совершил ошибку буржуа-выскачки, т. е. слишком высоко поставил то сословие, которое его приняло, потому оказался жертвой своего природного простодушия и простосердечия.

Г-жа де Сталь не называла Бонапарта иначе как олицетворением макиавеллизма и воплощением злого духа^{xx}. Она сосредоточилась на той мысли, что для управления своей немаленькой армией, а затем государством-империей, он создает пять полиций, следивших одна за другой. Его министр Фуше даже среди жен маршалов имел своих доносчиц. Г-жа де Сталь, которой как писательнице удавались не столько собственно романы, сколько философские эссе, преследовалась как сочинительница пасквилей. Обошлись с ней, она это признает, довольно мягко. В эпоху заговоров, когда возможны были тайные убийства и смерти от несчастного случая, ее не посадили в Бастилию, не гильотинировали — это было в прошлом, а только выслали из страны. Наполеоновская

полиция (это общеизвестно) пролила очень мало крови, особенно по сравнению с якобинцами, но ей удалось раскрыть массу заговоров и выпадов против императора.

Публикуя в 1815г. свою книгу «О Германии» де Сталь привела в предисловии письмо, посланное ей от имени кабинета министров и генеральной полиции (3 окт. 1810). Подписанное герцогом де Ровиго (впоследствии жившим в России в качестве дипломата), это письмо содержит упрек в том, что во всех своих публикациях она не находит достойного места для положительной оценки деятельности императора и относится без уважения к созданной им империи. Де Сталь находит совсем другие фигуры для предпочтения и восхищается другими народами, поэтому ей указывают пути, по которым она может следовать из Франции, и просят уведомить о том, который она выбрала. «Нечего сказать, — пишет она, — как изящно меня, мать троих детей, дочь отца, служившего Франции верой и правдой, выгоняют и не находится ни единого человека, чтобы меня защитить»^{xxi}.

Это письмо было слабой попыткой протеста в адрес Наполеона, которой еще весной 1802 г. запретил салон г-жи де Сталь. Ее разговоры, ее увлекательное устное творчество, ее талант, ее «гений мыслительного почина» привлекали строителя нового государства. Он слушал и читал все, что написано писательницей, находя всегда у нее «беспорядок в мыслях и воображении», «безнравственность» и «безбожие». Ей буквально было предписано выехать из Парижа и не подъезжать к нему ближе, чем на 100 лье. Лишиться Парижа значило для нее лишиться аудитории, где каждое ее слово ловили налету.

Написав в изгнании книгу «О Германии», писательница не предполагала, что она навлечет на себя кроме гнева Наполеона еще и неудовольствие всех профранцузски настроенных светских людей в Европе, поскольку ей удалось доказать, что литература Шиллера и Гёте не менее значительна для мировой культуры, чем литература Расина и Вольтера. Книга де Сталь, как бы идя навстречу давним исканиям Н. М. Карамзина, «молодого тургеневского кружка» и Жуковского переводила и взор русских с Вольтера на Гёте. Ее в России не просто читали, но изучали, в особенности в тех общественных кругах, из которых впоследствии вышли декабристы. Наполеону же книга «О Германии» показалась настолько ужасной, политически революционной, что была им запрещена и по его приказу сожжена.

Когда семнадцатилетний сын Жермены де Сталь Огюст проник в 1807 г. к императору, чтобы ходатайствовать о разрешении для своей матери вернуться в Париж, Наполеон сказал ему примерно следующее: «Она умна, очень умна, может быть даже слишком умна, но ум ее не знает ни обузданности, ни повиновения. Она воспитана в хаосе революции и государства разрушающегося. Она составила себе из этого какую-то смесь. Все это может сделаться опасным: пламенная голова ее может породить последователей. Она меня не любит. Я не должен ей позволить возвращаться в Париж...» Также иронично он отвечает и ратующим за писательницу министрам Талейрану и Меттерниху. «Не желаю, — говорит он, — чтобы де Сталь была в Париже. Будь де Сталь роялистка или республиканка, я бы ничего не имел против. Но это двигательная машина, которая пускает в ход салоны. Такая женщина опасна именно во Франции, и я не хочу, чтобы она была здесь»^{xxii}. Наполеон сжег десять тысяч экземпляров ее книги «О Германии», он окружил швейцарское имение ее отца, где она жила, двойной цепью шпионов. И вот в мае 1812 г., незадолго до начала русской кампании, она решила бежать в Швецию, в Стокгольм, где ей было возможно найти достойный приют (Жермена Неккер фамилию де Сталь получила от своего мужа, шведского посланника во Франции). Однако ехать ей в Швецию пришлось окольной дорогой, через Россию. Фактически по стопам Наполеона она продвигается по России, едет на юг, и только потом на север, и везде ее встречают чрезвычайно предупредительно: она европейская знаменитость, чьи книги популярны в России. В Киеве ее принимает граф Милорадович, который от нее в восторге, а она восхищена его светскостью и образованностью. В Белоруссии у нее было интересных встреч. Но в Москве, куда она попадает до Наполеона, ее принимают добродушно и хлебосольно. Об этом де Сталь рассказала в опубликованной посмертно книге «Десять лет изгнания» (1834).

Что знала де Сталь о России, что знали о России во Франции? Она сама отвечает на этот вопрос. «Несколько неприглядных исторических анекдотов, несколько русских, наделавших долгов на парижской мостовой, одно-другое

красное словцо Дидро внушили французам убеждение, будто Россия состоит лишь из развращенного двора, из офицеров, камергеров и из рабского народа. Это большая ошибка»^{xxiii}. Заметки европейской путешественницы превращаются в открытие незнакомой страны, в честное, нелicenseрное суждение о ней.

Г-жа де Сталь пережила с Россией весь печальный период наступления Наполеона: вторжение французской армии, быстрое продвижение Наполеона к Москве. Военные неудачи России страшили ее, она боялась окончательного торжества Наполеона, и она очень сомневалась в русской армии, в русской судебной системе, в русской цивилизации в принципе, называя ее молодой. Народившийся класс новых людей не обрел еще чувства чести, думает она о расслоении французской нации после Французской революции, полагая, что такое же возможно и в России. Приглядевшись к русским, она напишет: «Я не заметила сначала народного духа, внешняя переменчивость впечатлений у русских мешала мне наблюдать русский народ. Отчаяние оледенило все умы, отчаяние — предтеча страшного пробуждения. В простом народе видишь непостижимую лень до той минуты, когда пробуждается его энергия: тогда она не знает преград, ничего не страшится: она, кажется, побеждает стихии точно так же, как и людей»^{xxiv}. Отмечая суровую мужественность русского народа, которая не есть непреклонность, не есть варварство, она сравнивает (чужими словами) Россию с пьесой Шекспира, потому что «в ней величественно все, что правдиво, а то, что не величественно — ошибка»^{xxv}.

С русскими людьми де Сталь впервые познакомилась у себя в салоне еще в Париже: ее навещали русские дипломаты и путешественники. Когда, уже будучи в изгнании, она попадает в Вену, там среди ее друзей — князь де Линь, 72-летний старик, дважды фельдмаршал (Австрии и России), любимый собеседник Екатерины II, а также юный граф Сергей Семенович Уваров, тогда еще камер-юнкер. Имя г-жи де Сталь было хорошо известно в дворянских гостиных Москвы и Петербурга 1812 г. Как писательницу ее знали в России уже давно. В 1795 г. Н. М. Карамзин перевел ее новеллу «Мелина» (она выдержала три издания). Далее последовали переводы новеллы «Мирза» (1801); «Двух повестей» (1804) и романа «Корина» (1807). Ее читатели были везде: в уездных, губернских и столичных городах. Перед ней распахивались все двери, включая двери государя, хотя никто не забывал, что деньги ее отца расчистили дорогу Французской революции. «Грибоедовская» Москва и Петербург (фамусовское общество) не слишком ею восторгались. Граф Ростопчин, министр иностранных дел при Павле I, называл ее по-французски «une pie-conspiratrice» (сорока-заговорщица). Из некоторых частных писем стало также известно о том, что консервативные московские дамы рассуждали сходно с Наполеоном, оценивая ее как «безбожницу» и «безнравственную женщину», «из-за которой и погиб Свет»^{xxvi}.

В Петербурге де Сталь сумела сблизиться с графом Петром Кирилловичем Сухтеленом, голландцем по происхождению, служившим государю в качестве главного военного строителя портов, каналов и крепостей. Именно Сухтелен ввел де Сталь в истинное положение дел в стране и перспективы войны с Наполеоном, что ее особенно интересовало. Следует добавить также, что она была восхищена сыном Сухтелена, флигель-адъютантом Александра I, с ее точки зрения так похожим на героя нового времени.

Следующими на пути ее общения и контактов стали те двое, чьи имена были у всех на устах — Кутузов и Наполеон. Кутузов был еще в Петербурге, и де Сталь с ним встретила. «Он принял командование за пятнадцать дней до вступления французов в Москву, — напишет она, — и не мог прибыть к армии раньше как за шесть дней до великой битвы, которую он дал у ворот этого города в Бородине. Я видела старца перед его отъездом. То был старец с самым привлекательным обращением и живостью в лице, несмотря на то, что он потерял глаз от одного из бесчисленных ранений, полученных за полвека его военной службы. Глядя на него, я боялась, что у него не хватит сил бороться с суровыми и сильными людьми, которые наводнили всю Россию со всех концов Европы. Я была растрогана, покидая фельдмаршала Кутузова. Я не могла дать себе отчета, кого я обнимала, победителя или мученика, но во всяком случае, я видела в нем личность, понимающую все величие возложенного на нее дела... Перед отъездом генерал Кутузов отправился помолиться в Казанский собор, и весь народ, следуя за ним, кричал ему, чтобы он спас Россию»^{xxvii}.

По мнению де Сталь; в России гениальные люди встречались лишь среди

военных, она вспоминает также Петра I и А. Суворова^{xxviii}. При всей спорности суждений де Сталь, надо отдать ей должное, про нее нельзя сказать, перефразируя Пушкина, что «она ленива и нелюбопытна». Она хочет все знать — от английской философии до итальянской поэзии. В книге «О Германии» она прямо заявляет, что ей любопытен английский процесс воспитания, при котором люди крепко сознают чувство долга и чести. В Италии ее привлекает «энтузиазм» (собственный термин писательницы), иначе говоря, заводной характер итальянцев, а в России ее волнует, образно говоря, как приводится в действие «народная дубина».

Как и де Сталь, Франсуа-Рене де Шатобриана считают основоположником французского романтизма, он был известен в России уже с первых его публикаций во Франции. Книги французского писателя выписывали и продавали, но также и переводили (декабрист Н. Тургенев и историк М. Погодин). Живые отклики на тексты французского писателя можно найти у В. Жуковского, Ф. Батюшкова, А. Пушкина и Ф. Тютчева^{xxix}.

Природный дворянин родом из Бретани, где у семьи Шатобриана было имение Комбург, никогда не пользовался привилегиями своего сословия. В сознательную жизнь он вступил после Французской революции 1789-1894 гг., зарабатывая на хлеб насущный литературным и дипломатическим трудом. Когда в преклонном возрасте ему предложили в Англии, где он в молодости провел несколько лет в эмиграции, звание пэра и соответствующую его положению пенсию, он от нее отказался. У автора «Гения христианства» было недвусмысленное понятие о чести, хотя жизнь сложилась так, что ему пришлось служить как роялистам, так и Бонапарту. В его позиции главным было понятие служения родине, ее честь и достоинство. Всю жизнь его мучили мысли о будущем Франции, и он видел свою страну не иначе как христианской. Только на пути к Богу, полагал он, страну его ждет истинное возрождение. Увлеченный размышлениями о духовном, писатель честно и искренне рассказывает о своих встречах с Наполеоном, оценивая его как правителя, главнокомандующего и человека.

«Замогильные записки» — опубликованное посмертно произведение Шатобриана, где в основном и записано все, что он думает о Наполеоне. Он смотрит на него глазами то республиканца, то легитимиста, настойчиво отыскивая общественно значимые черты его облика, таланта человека, вознесенного шумливой толпой. Писатель уверяет своего будущего читателя (на прижизненную встречу он не надеется), что прочел абсолютно все написанное Наполеоном, от первых его детских сочинений до романов, брошюр, политических диалогов республиканского толка, частных писем Жозефине и пяти томов его речей, приказов и бюллетеней, испорченных непрошенными редакторами, вроде Талейрана и других близких императору чиновников. Однако, уверяет Шатобриан, «лишь в дрянной рукописи, оставленной на Эльбе, я нашел мысли, достойные великого островитянина. Вот они:

Обыденные радости так же противны моему сердцу, как и заурядное страдание.

Не я даровал себе жизнь, не мне и отнимать ее у себя, пока она сама от меня не откажется.

Злой гений являлся мне и предсказал мою гибель: предсказание сбылось под Лейпцигом.

Я заклял ужасный дух новизны, бродивший по свету^{xxx}

Во всем этом натура Бонапарта, с точки зрения Шатобриана, выразилась сполна.

Автор «Замогильных записок» отмечает также, что все написанное Бонапартом написано очень энергично, возвышенным языком, порожденным эпохой революционного духа. С эмфазой, независимо от политических убеждений, писали тогда практически все авторы той эпохи — Андре и Мари-Жозеф Шенье, де Местр и де Бональд, Траси, Кабанис и Вольней. Антуан де Ривароль, журналист, писатель и ученый (1753—1801), создавший неопределимый для французской лингвистической традиции трактат об универсальности французского языка, тоже прибег к ораторскому стилю, изъясняясь напыщенно и с пафосом. Рассуждая о грамматике, словообразовании и особом синтаксисе и инверсиях, он отметил также распространение французского языка, получившего по его образному выражению «имперскую власть». Это не противоречило идеологии Наполеона, который никого, кроме себя, в роли идеолога не видел. Многие литераторы, рассуждавших как наследники Просвещения, он не терпел, но на

Шатобриана-романтика, излучавшего дух новизны, обратил внимание одним из первых^{xxxі}.

В 1802г. после принятия Законодательным Корпусом памятного Конкордата министр внутренних дел устроил празднество, на которое Шатобриан был приглашен как человек, воссоединивший силы христиан и поведший их в атаку, поскольку только что вышло его знаменитое эссе «Гений христианства», и это название было у всех на устах. «Каким-то образом, — пишет Шатобриан, — Бонапарт заметил и узнал меня. Господин де Шатобриан! Толпа отхлынула, чтобы затем сомкнуться вокруг нас кольцом. Я остался в одиночестве. Бонапарт заговорил со мной, не чинясь: без любезностей, без праздных вопросов, без предисловий, он сразу повел речь о Египте и арабах, как если бы я входил в число его приближенных, и он всего лишь продолжал начатую беседу. "Меня всегда поражало, — сказал он, что шейхи падают на колени среди пустыни лицом к Востоку и утыкаются лбом в песок. Что за неведомая святыня на Востоке, которой они поклоняются?"»^{xxxii}

Возможное столкновение с мусульманством и мусульманским миром заставило Наполеона взглянуть иначе на христианство, которое пыталась выкорчевать Французская революция. Его собеседники, наследники просветителей, предлагали ему взглянуть на эту религию как на астрономическую систему, в которой можно увидеть аллгорию движения сфер, геометрию светил. Но он видел в христианстве, несмотря на опорочившую католическую церковь инквизицию, много величия и счел необходимым именно это подчеркнуть. После этой встречи на празднике в честь соглашения с Римским двором, положившим начало официальному восстановлению католической религии во Франции, Наполеон решил послать Шатобриана в Рим, ибо сразу понял, чем этот начинающий, входящий в моду писатель может быть ему полезен. Это было в 1803 г. Пост министра иностранных дел занимал тогда Талейран, именно он оформил литератору назначение! «У Талейрана были прекрасные манеры, они нисколько не походили на манеры его подлого окружения; его мошенничество было преисполнено непостижимой важности, в этом осином гнезде развращенность нравов сыляла гением, легкомыслие мудростью», — отметил мемуарист^{xxxiii}.

Похвалив однажды «Гений христианства» Наполеон затем многократно критически высказывался по поводу других сочинений писателя. Ему не понравились его эссе «Бонапарт и Бурбоны», некоторые статьи и речь при вступлении в Институт. Не раз Наполеон сам выступал в качестве цензора, переставляя акценты в пафосных высказываниях. Шатобриан часто не соглашался с тираном, но страха или трусливого поведения он себе не позволял.

Очень внимательным взором Шатобриан описывает сто дней Наполеона, пребывание императора на острове св. Елены. Он отмечает, что император там осудил себя дважды: за войну в Испании и за войну в России. Задолго до многих написанных и подведенных под штампы биографий Наполеона Шатобриан отметил, что уже при жизни императора его стали рассматривать не как реальное лицо, а как персонажа легенды, как плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок. Такими, с его точки зрения, были Карл Великий и Александр Великий, во всяком случае их так изображали средневековые эпопеи. А между тем триумф Франции стоил ей 3 млн солдатских жизней. Сograждане Шатобриана жили в страданиях и неволе. Талантливый и могущественный властитель Наполеон лишил своих соотечественников независимости и домашнего очага, тяги к свободе и самой свободы. И бедняки, и богачи украшали жилища его портретами и бюстами. Повсюду в Европе — в Италии, в Германии можно было натолкнуться на его тень. «Может быть, время поторопилось предать картинку тиснению?» — вопрошает мемуарист своих будущих читателей. Лишь столетия могут по-настоящему закончить портрет великого человека.

Сопоставление небольшого числа довольно пестрых фактов, которые мы попытались идентифицировать, отбирая сходные моменты, весьма объемно, и с человеческой точки зрения высвечивает популярную сегодня историческую фигуру. Ценность приведенных высказываний романтиков состоит в том, что, совпадая в общих чертах и демонстрируя нам тирана и деспота, они одновременно показывают Бонапарта как своеобразную личность, неслучайно достигшую многих успехов в военном и общественно-политическом смысле. Русская кампания не была для него ни особенно серьезной, ни выдающейся, ни

исключительной. Он прошел трудный путь защитника революции и полководца. Свою ошибку вступления в Россию он понял сразу, хотя до смерти не так уж глубоко осознал. Ему, безусловно, нравились его прошлые отношения с императором Александром I, которого он, по собственному признанию, «любил почти как женщину». Французские романтики, надо отдать им должное, были достаточно объективны в его оценке, внушив современникам мысль о том, что Россия — уникальная в своем роде страна, и обращаться с ней надо очень осторожно.

Примечания

- ⁱ *Генис А.* Вавилонская башня // Иностран. лит. 1996. № 9.
- ⁱⁱ *Тураев С. В.* От Просвещения к романтизму. М.: Наука, 1983. С. 153.
- ⁱⁱⁱ *Лебедев Е. Н.* 1812 год и проблема познания народа в русской лирике первой трети XIX в. // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX в. М., 1998. С. 97.
- ^{iv} Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Последнее новоселье» написано в связи с перенесением праха Наполеона с о-ва св. Елены в Париж.
- ^v *Пушкин А. С.* Поли. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 181.
- ^{vi} *Зорин А.* Враг народа. Культурные механизмы опалы Сперанского // НЛЮ. 2000. № 41. С. 27.
- ^{vii} Пушкин А. С. Указ. соч. С. 178.
- ^{viii} *Стендаль.* Собр. соч. В 15 т. М., 1959. Т. 11. С. 200.
- ^{ix} «История Наполеона» Вальтера Скотта была переведена и опубликована в России в 1832 г.
- ^x *Стендаль.* Указ. соч. С. 225.
- ^{xi} Там же. С. 375.
- ^{xii} Там же. С. 386.
- ^{xiii} Там же.
- ^{xiv} Там же. С. 135.
- ^{xv} Там же. С. 135-136.
- ^{xvi} Там же.
- ^{xvii} Там же.
- ^{xviii} Речь идет о книге Мадам де Сталь «Considerations sur les principaux evenements de la revolution francaise». P., 1818. О полемике Стендаля с этой книгой см. также: *Carlo Pellegrini. Stendhal contre madame de Stael: Constant et Napoleon.* P., 1959; *Пеузов Б. Г.* Стендаль: Философия истории: Политика: Эстетика. Л., 1974. С. 75-92.
- ^{xix} *De Stael. De l'Allemagne.* , 1974. С. 75 – 92.
- ^{xx} Книга де Сталь «Десять лет изгнания» цит. по: *Дурьин С. Г.* де Сталь и ее русские отношения // Лит. наследство. 1939. № 33/34. С. 263.
- ^{xxi} Там же. С. 265.
- ^{xxii} Там же. С. 355.
- ^{xxiii} Там же. С. 300.
- ^{xxiv} Там же.
- ^{xxv} Там же.
- ^{xxvi} Волкова и В. И. Ланская. 12 авг. 1812 г. Частные письма 1812 г. // Русский вестник. 1872. 2388.
- ^{xxvii} *Дурьин С.* Указ. соч. С. 368-370.
- ^{xxviii} Заметки об этой встрече попали в записки двух русских мемуаристов: «Записки о 1812 г.» (СПб., 1836. С. 34—36) и А. П. Бутенева «Воспоминания» (Русский архив. 1883. Кн. 11). По их отзывам, м-м де Сталь признавала Кутузова единственным полководцем, способным возглавить оборону великой страны и стать военным вождем своего времени.
- ^{xxix} *Мильчина В. А.* Эпопея человеческого сознания // *Шатобриан Франсуа-Рене де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 317. Шатобриан, де Сталь и Стендаль совсем не считают, как русский исследователь Наполеона А. З. Манфред, что мир лейтенанта Бонапарта — это мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободолубивой, мятежной литературы XVIII в. Могло быть иначе? (*Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1973. С. 35.).
- ^{xxx} Там же. С. 194.
- ^{xxxi} Там же.
- ^{xxxii} Там же.
- ^{xxxiii} Там же.